

Он помнил, что у Сяо Ниня тоже был такой взгляд. Это было вскоре после смерти их матери, и Сяо Нинь чуть не...

Тогда он впервые почувствовал, что такое настоящая боль.

Но у Сяо Ниня была семья, которая поддерживала его, утешала и даже использовала лекарства, чтобы он забыл те воспоминания.

А в этом императорском дворце, где нет настоящей любви, как Лун Цзиннянь справлялся в одиночку? Насколько это было тяжело?

Возможно, воспоминания о Сяо Нине пробудили в Шэнь Юаньци жалость, а может, это было просто сострадание к человеку перед ним. Он больше не хотел думать о различиях в статусе. Он знал только, что сейчас Лун Цзиннянь нуждается в утешении.

Шэнь Юаньци дрожащей рукой медленно обнял Лун Цзинняня, прижав его голову к своей груди, и мягко сказал:

— Сяо Нянь, тебе когда-нибудь говорили, что ты очень красив, особенно когда улыбаешься? Твоя улыбка такая мягкая, будто всё в мире становится ярче от неё.

— Но когда ты плачешь и хмуришься, это совсем некрасиво.

Ресницы Лун Цзинняня дрогнули, слёзы скатились по его щекам, и его затуманенные глаза внезапно прояснились. Он поднял голову и, глядя на знакомую улыбку Шэнь Юаньци, смущённо спросил:

— Тогда... если я улыбнусь, брат Шэнь будет любить меня?

— Всегда буду.

— Всегда буду.

Голос восьмилетней давности и настоящий голос переплелись в голове Лун Цзинняня, снова и снова повторяя эти слова, разрушая его внутреннюю стойкость.

— Сяо Нянь, что с тобой... Не плачь, это... я опять что-то не то сказал?

Лун Цзиннянь плакал ещё сильнее, чем раньше, и Шэнь Юаньци растерялся. Он не мог видеть, как кто-то плачет перед ним. Когда кто-то плакал, он становился косноязычным и начинал говорить что-то бессвязное, иногда даже не понимая, что говорит.

— Брат Шэнь... Брат Шэнь...

Лун Цзиннянь обнял Шэнь Юаньци за талию и уткнулся лицом в его одежду, тихо рыдая.

Брат Шэнь снова согрел его сердце. Как он мог отпустить его во второй раз? Он не сможет, больше не сможет.

Шэнь Юаньци на мгновение замер, но затем, придя в себя, улыбнулся и мягко погладил мягкие волосы Лун Цзинняня, словно старший брат, утешающий младшего.

Когда эмоции Лун Цзинняня немного утихли, Шэнь Юаньци сказал:

— Мне кажется, я уже был в такой ситуации, как будто это уже происходило.

И это обращение «Сяо Нянь» — он, кажется, тоже когда-то так называл, но не мог вспомнить деталей.

— Правда? — тихо спросил Лун Цзиннянь.

— Да, просто чувство такое смутное. Может, это из-за той лихорадки в детстве, которая повредила мне мозг. Отец часто говорит, что я с тех пор немного не в себе.

Ресницы Лун Цзинняня дрогнули. Не помнит? Ну и пусть. Главное, что теперь они могут быть вместе. Прошлое не важно, важно будущее.

— Бам!

Громкий звук разбудил их обоих. Шэнь Юаньци в панике оттолкнул Лун Цзинняня и с растерянным видом посмотрел на дверь.

Если кто-то войдёт и увидит его, обнимающего Лун Цзинняня, как это объяснить?

Увидев, что это Хань Инь, Шэнь Юаньци облегчённо вздохнул.

А Лун Цзиннянь, которого оттолкнули, слегка нахмурился, и в его глазах появилась холодность. Недовольство было написано на его лице.

— Князь!!!

Хань Инь тут же упал на колени, его голос был полон отчаяния.

Он всего лишь пошёл за чаем, а князь... как он мог...

Лун Цзиннянь был так зол, что у него на виске выступила жилка. Скрывая эмоции, он резко сказал:

— Что ты орёшь? Убери это и принеси новый чай.

Хань Инь хотел что-то сказать, но, увидев предупреждение в глазах Лун Цзинняня, не посмел и, ссутулившись, быстро убрал осколки и вышел из зала.

— Князь... я...

После этого прерывания Шэнь Юаньци наконец понял, насколько он переступил границы.

— Брат Шэнь, ты уже называешь меня Сяо Нянь, так что я думал, что мы стали ближе. Не нужно быть таким осторожным.

Лун Цзиннянь уже вытер слёзы с лица и с лёгкой улыбкой спокойно говорил.

Шэнь Юаньци неуверенно засмеялся. Он назвал его так в порыве, не задумываясь. Теперь же он ни за что не смог бы снова назвать его Сяо Нянь.

— Ээ... князь, я... мне нужно идти...

Он хотел вернуться домой, ему нужно было прийти в себя!

Лун Цзиннянь слегка замер, глядя на Шэнь Юаньци, и спросил:

— Брат Шэнь, ты завтра придёшь?

— Я... на самом деле у меня завтра дела...

Под взглядом Лун Цзинняня, который постепенно тускнел, голос Шэнь Юаньци становился всё тише, пока он совсем не осмелился смотреть на него.

— Я понял, брат Шэнь, я провожу тебя.

Голос Лун Цзинняня был полон разочарования, а его натянутая улыбка прямо пронзила сердце Шэнь Юаньци.

«.....»

Он вдруг не хотел уходить!

— Эээ... на самом деле завтрашние дела не так уж важны. Может, я завтра ещё зайду?

— Правда, брат Шэнь? — Лун Цзиннянь радостно посмотрел на него.

— Да, — кивнул Шэнь Юаньци и продолжил:

— Тогда я сегодня пойду, а завтра навещу князя.

— Хорошо, брат Шэнь, я провожу тебя.

Проводив Шэнь Юаньци, Лун Цзиннянь снова сел за стол и начал есть.

Его лицо было спокойным, но уголки губ выдавали его хорошее настроение.

Его холодный взгляд внезапно покрылся тенью.

Лун Цзиннянь протянул руку, словно хватая воздух, и тихо сказал:

— Брат Шэнь, ты не сбежишь. На этот раз я не отпущу тебя.

С наступлением темноты Тан Цзю выглянул из-за городской стены, осмотрелся и прыгнул в направлении Дворца Вань.

Тан Цзю крепче обнял что-то в руках, думая о том, что скоро увидит Лун Сяовань, и ускорил шаг.

В это время Лун Сяовань уже собиралась лечь спать, как вдруг услышала шум за дверью. Она задумалась, кто может приходить так поздно, и быстро накинула одежду, чтобы выйти.

Не успела она приблизиться к двери, как та с грохотом распахнулась. Лун Сяовань вздрогнула и, увидев человека за дверью, резко побледнела. Она замерла, но всё же скованно подошла и поклонилась:

— Сяовань приветствует двух старших сестёр.

Служанка Цин Юнь тоже поклонилась:

— Рабыня приветствует седьмую принцессу и десятую принцессу.

За дверью стояли её седьмая сестра Лун Сюань и десятая сестра Лун Шуаньэр.

Наконец добравшись до Дворца Вань, Тан Цзю стоял на крыше и собирался спуститься, как вдруг услышал шум во дворе.

Тан Цзю нахмурился, пригнулся и подошёл ближе к внутреннему двору.

— Что? Ты показываешь эту слабость кому? Ты так же ведёшь себя перед князем-регентом, таким хрупким и жалким?

— Князь-регент — это мужчина, который любит мужчин. Неужели наша сестра Сяовань действительно приглянулась князю-регенту? Какое мастерство! Может, научишь нас своим чарам?

— Ах, седьмая сестра, ты шутишь. Это же её талант, его не так просто передать. Даже если она захочет научить, мы не сможем.

Лун Сяовань побледнела, опустила голову и, стиснув губы, молчала, крепко сжимая искажённые уголки своей одежды.

Она знала, что рано или поздно слухи о её проживании в резиденции князя-регента распространятся, и она была готова к насмешкам, но не ожидала, что её сёстры начнут придирааться так быстро.

Но что она могла сделать? Она вела себя достойно, и всё, что ей оставалось, — это терпеть несколько обидных слов. За эти годы она слышала их немало, и пара слов больше не имела значения.

— Почему молчишь? Может, перед князем-регентом ты притворяешься немой?

Увидев, что Лун Сяовань молчит, Лун Шуаньэр разозлилась и резко толкнула её.

Лун Сяовань не ожидала этого и, пошатнувшись, споткнулась о камень и упала на землю, выглядев крайне неловко.

Цин Юнь, стоявшая рядом, даже не подумала помочь ей, её глаза были опущены, а в них читалось раздражение.

[Исправлены стилистические повторы и согласованность времён глаголов. Унифицировано написание терминов: князь-регент, Дворец Вань. Удалены избыточные описания. Переведены авторские комментарии в соответствии с контекстом.]

<http://bllate.org/book/16387/1484044>